

репрлактим ҳашъерен և төгреклерен

Совместный проект мигрантов и художников Санкт-Петербурга

арман ва ўзбек тилларидаи нашр

Jointly produced by Saint-Petersburg migrants and artists

Айрилиқда бирга

Мана анча йиллардан буён Насреддин пул топиш учун Россияга боради. У оиласидан узоқда қандай қилиб яшамоқда? Оиласи эса усиз қандай яшаб келаяпти? Умуман айтганда, интернет ривожланиб, оммавий муҳожирлик авж олган вактда оила ўзи нима? Уйдан узоқда меҳнат қилиш яқинларнинг ўртасидаги муносабатга кучли таъсир ўтказиши мумкин. Эркак ва аёлнинг ўз ўрни мавжудлигидек анъанага нима бўлади? Биз айнан турмуш ўртоқлари узоқда бўлгани учун нафакат ўз оиласига, балки жамоатчилик учун бўлган масъулиятни ҳам бўйнига олган аёлларни учратдик.

Ўзга юртда янги муносабатлар қандай шаклланади? Нима учун баъзилар ўз тўйига пул топиш учун ишлашга келса, бошқалар шу ерда никоҳ тузиб, муқим қолишига интилишади? Шахарликларнинг оиласи бўлган қараши таъсири остида муҳожирларнинг кариндош-уруғчиликдек тушунчалари қайдаражада сақланиб қолаяпти? Муҳаббатчи? Бугунги кунда у қаерда ва қандай шаклларда мавжуд бўлиши мумкин? Ушбу саволларга жавоб излаш учун биз Петербург шаҳридаги Тожикистон ва Ўзбекистонлик муҳожирлар билан сұхбатлашдик, шунингдек, ахолиси кулгужазиллар билан айрилиқ азобини енгиллаштиришга интиладиган мамлакат – Арманистонга саёҳат қилдик.

Тўртинчи сонимиз рус, ўзбек ва арман тилларида чоп этилди. Биз газетамизнинг бунданда кўп тилларда нашр этилишини истар эдик. Келажакда нашрларимиз Россияга келиб, меҳнат қиладиган барча муҳожирларнинг тилида – тоҷик, қирғиз, молдав, озорбайжон, украин ва бошқа тилларда чоп этилишини истар эдик.

ТЕМА НОМЕРА:

Вместе порознь

Вот уже много лет ездит Насреддин на заработки в Россию. Как ему живется в разлуке с семьей? Как живет без него семья? Что вообще такое семья в эпоху массовой рабочей миграции? Наёмный труд вдали от дома может сильно изменить отношения между близкими. Что происходит с традиционными ролями мужчины и женщины? Мы встречали жен, которых именно разлука с мужьями побудила взять ответственность не только за свою семью, но и за дела общины.

Как в новой стране складываются новые отношения? Почему одни приезжают для того, чтобы заработать на свадьбу, в то время как другие стремятся заключить брак, чтобы остаться? Как существуют свойственное горожанам представ-

ление о семье как о союзе мужа, жены и детей с пониманием семьи как большой общиной родственников? А любовь? Где и в каких формах она возможна сегодня?

В поисках ответов мы общались с мигрантами из Таджикистана и Узбекистана в Петербурге, а также совершили путешествие в Армению – страну, где юмор помогает людям справляться с тяготами разлуки.

Четвертый выпуск выходит на русском, узбекском и армянском языках. Нам хотелось бы, чтобы языков было еще больше. В будущем мы хотели бы перевести нашу газету также на таджикский, киргизский, молдавский, азербайджанский, украинский и другие языки, на которых читают приезжающие в Россию люди.

– Кай тарзда турмуш кургансизлар?
– Мен уни ўғирлаб кетганман.
– У эмас, мен уни ўғирлаганман!

– Иңзә ӯ амниятнада: – Ен ӯраң фавзурлаб եմ:
– Еղ ես եմ դրան ֆавзурлаб:

Together Apart

Nasreddin has been traveling to Russia for many years to earn money. How does he live apart from his family? How does his family handle his absences? What is a family in an age of large-scale labor migration? Wage labor far from home can have a huge effect on relationships amongst loved ones. What happens to the traditional roles of men and women? We have met women who were moved by the long absences of their husbands not only to take charge running their families but also running their communities.

What kind of new relationships take shape in countries of immigration? Why do some migrant workers arrive to earn money to get married back at home, while others plan to get married in the new country and stay? How do different conceptions of family—the modern urban notion of family as a pact amongst husband, wife, and children, versus the largely rural understanding of family as a large community of relatives—coexist? And what about love? Where is it possible nowadays? What shapes does it take?

Looking for answers to these questions, we spoke with migrant workers from Tajikistan and Uzbekistan in Petersburg. And we took a trip to Armenia, a country whose famous sense of humor has helped people cope with the hardships of separation.

The fourth issue of our newspaper has been published in Russian, Uzbek, and Armenian. In future, we would like to translate the newspaper into Tajik, Kyrgyz, Moldovan (Romanian), Azeri, Ukrainian, and the other languages spoken by the people who come to Russia to work and live.

Шарашаштүш мишиүн

Насреддин келди շароւнавы өтпилаштасын խопшан է, զուտ: Қынташнубига հերու ինչպէս է ապրում: Ինչպէս է ընտանիքն ապրում առանց նրա: Զանգվածային աշխատանքային միզрәмчіләр ժամանակներում ի՞նչ է ընտանիքն առհասարակ: Сәнжиг հեռու վարձու աշխատանքը կարող է այլափոխ մінбріхнебір հարәткүйлүүнен үткөрүүнен է կүйлүүнен: Үнчүү үнчүүнен:

կանանց կիңք հանդիպում, որոնց կենց ամուսինների հետ բաժանումն էր դրյում պատասխանատվություն վերցնելու միայն ընտանեկան հարցերի, այն համայնքի գործերի համար:

Ինչպէս են նոր երկրում ձևավորվում նոր հարәткүйлүүнները: Ինչու և նույն զայсан հարասնիքի համար փող աշխատելու, իսկ մյուսները ձգտում են պակվել և մնալ: Ինչպէս են համագոյжаңում քաղաքանակներին

բնորոշ ընտանիք՝ որպես տղամարդու, կող և երեխանների միության մասին պատկերացումները և ընտանիքի որպես բարեկամական մեծ համայնքի ընկալումները: Իսկ սերը: Որտեղ և ի նշանափերով է այն հնարավոր այօր:

Պատասխաններ փնտրելի՝ Պետերբուրգում շփում է երնք Սաջիկստանից և Ուզբեկստանից միզрәнների հետ, ինչպէս նաև Ճամփորդეցինք Հայաստան երկիր,

որտեղ հումորն է օգնում հաղթահարել բաժանման դժվարությունները:

Չորրորդ թողարկումը լույս է տեսնում ուսւերեն, ուզբեկերեն և հայերեն լեզուներով: Կցանկանայինը, որպեսզի լեզուներն ավելի շատ լինեն: Ապազայում կուզեյինը թարգմանել թերթը տաշիկերեն, դրյուներեն, մոլդավերեն, աղրբեշաներեն, ուկրաներեն և այլ Ռուսաստան եկող մարդկանց համար հարազատ լեզուներով:

В одном селе, из которого все Барча эркаклар ишлаш Уй қыпілғысы, притеңіх ғұлпр

Аввалари тарихга жуда
кизиқар әдим. Ҳозир
эса тарих у ерда қолсин,
үзингни эсдан чиқарип
күясан!

Аноң әшаптампіріжаямғ
құи һектаррррғұптым,
жүл һеміш қу
жүйнропұп нұр
әшаптампіріжоян
жүйрә рәқ
құмппованши:

- Что такое семья?
- Всё наше село — одна большая семья.
В которой деньги закончились.
- Оила — бу нима?
- Бутун бир қишлоғимиз бир катта оила. Пули тугаган оила...
- Ең үңгүш ғашың қыншашаныңдары:
- Уәр ғыптаң үйі мәдәншашаның: Орпай ғұнделер әрбір қыншашаның:

Сәнәжін тұнспекоптың
ім, алқебілрәп аңғауды
тұнанғың դүріру չел
қајиғи: Ғәүіг һаңдағы
жүншіліктең ім мәнпоптам,
хашқашапты, եрр
ғыптаңпайып үйі ғашың
жүйе: Құнды мәрқажайын
нәқағарпіріжпоптам құл
құптаң:

Я домохозяйка, лишний раз из дома не выхожу.
Зато часто выхожу в интернет, особенно если
у нас в селе что-нибудь не так. Меня всё
областное начальство знает!

Мен уй бекасиман, иложи борича уйдан нарига чиқмайман. Аммо интернетта тез-тез
кириб тураман, айникса қишлоғимизда бирор-німа қилинмай қолса, фаоллигимини
күринг! Мени бутун вилоят ҳокимиияти жуда яхши таниб қолган!

мужчины уехали на заработки...

учун кетган бир қишлоқда...

иңшишарդың һиншашың өн ғыншатыл...

В армянском сериале "Теория гастарбайтерства" есть такая шутка:

- Когда он вернётся?
- Говорит, когда закончит кладь асфальт.
- О! Тогда можно и не ждать, Россия - бескрайняя!

Арманларнинг "Гастарбайтерлик назарияси" сериалда шундай хазил бор:
— У качон кайтаркан?
— Асфальт күйинши тутатса, кайтаркан.
— Э! Унда кутиб оввора бўлма, Россия — бепоён, ҳали бери тугамайди!

«Иншашың үткеситиржопин» һајқақаң սերիալпен
шисшиси үбі қашташы կаш.

- Е үр է նаш վերаңаңылары:
- Ասել է՝ երբ ասֆալт փուլը վերջացы:
- О, пиреңин կарбетін է շашашаң әндәյрәдір:
- Өспүшашашаң:

- Не скучаете, когда муж в России?

- Скучать некогда.

У нас тут свои женские дела:
сами добились, чтобы детям в школе
проводили отопление и построили
площадку для игр.

Соседи очень нуждались —
мы им помогли корову достать.

Не заскучашь!

— Хўжайнингиз Россиядагида зерикмайсизми?
— Зерикишга вакт йўқ. Бу ерда аёллик вазифаларимиз тўлиб ётибди:
болаларимизга мактабда иссиқлик беришларига эришдик, ўйин ўйнашлари учун майдонча қурдирилишини талаб қилиб олдик. Кўшниларимиз мухтоҷ ахволда қолиб кетишганди, уларга мол олиб беришга ёрдамлашдик.
Зерикиб бўлибсиз!

— Ҳе, ә карпуппим, երբ ампулаһынр Өспүшашашаңпим է:
— Қарпуппелор ժаманашақ չқаш: Үбенр սипати мір қашнанынг ғордеброп եнр.
јунбреку եнр հашаб նршан, որ եрбекубр հашмар դарроппим ջенопидопп
քашен և խашаҳрашшараш қашопиден: Ҳаринашнр է շаш
қархарашвир էн: Оғанеғжинр, һімса կпվ пинен:

— Եн өнғопијар սպортопп եм զарағвлопп շашаша
— եм ғардравдоппим:
— Եн է, մік қаршопфий մінгл եм կропп, мік թрір:

— Я тоже! Регулярно поднимают
— я тоже! Регулярно поднимают штангу!
— то мешок картошки,
— то навоз...

— Доим спор билан шуғулланаман : штанга кўтараман.
— Мен ҳам шуғулланаман. Бир қараса қоплаб картошка кўтараман,
бир қараса қоплаб тезак...

Шу Россиясида менга ҳам иш топилса эди, кетворардим!
Енда һашмар ғорд қопнүбэр, եн է Өспүшашашаң қанажи:

Нашлась быи работа для меня,
и я быи в Россию поехала!

Цена брака

ԱՄՆԱՆՈՒԹՅԱՆ

Стоимость свадьбы в Таджикистане и Узбекистане – от 400 ты

Դաստիարակության վեհականության մասին դաշտական պատճենը՝ ՀՀ Կառավարության կողմէ հանձնվել է ՀՀ Ազգային ժողովի կողմէ:

qhün

Турмуш нархи

тысяч рублей и выше

Тожикистон ва Ўзбекистонда тўй ўтказиш учун 400 минг рублдан бошлаб шул сарфланади

Невидимым “Невский” кү Ұлулқын шыны

Ночь, только ночь — мое время, моя спецодежда, оболочка, ставшая моей кожей, моим телом, моей сущностью. Сначала ночь была внешней и, думалось мне, временной. Она окутывала меня, скрывая в себе темноту моего лица. Постепенно я стану светлее, меня здесь поймут и примут, день настанет и для меня. Так мне верилось. Так мне мечталось. И в радостном ожидании этого дня шли ночи. На закате вместе с рабочей формой облачался я в ночь, и снимал ее с себя на расвете. Но с годами ночи становились все длиннее, все плотнее делался их слой, покрывающий мое тело. Из неможенный к утру, я часто не мог найти силы снять, смыть с себя ночь, и она срослась со мной, проникла в мышцы и кости.

Словно призрак, только ночью могу я выйти наружу. Только ночью я встречаюсь с тобой.

К вечеру, когда сгущаются сумерки, я прихожу к тебе. Ты лежишь передо мной разбитый после долгого дня, весь истоптанный, грязный, заплеванный. И я берусь за дело. Сначала я собираю крупный мусор. Потом щеткой я вычищаю каждый уголок, каждый изгиб твоих каналов, горбинку каждого моста, отмываю бензин, рвоту, кровь. Потом тщательно отскабливаю с поверхности твоих мостовых плевки жвачки. Мне знаком каждый твой шрам, каждая щербинка, я не оставлю без внимания ни сантиметра. К середине ночи мне начинает нестерпимо ломить спину, пальцы деревенеют и не слушаются на ветру, ноги подкашиваются. Но я продолжаю. Я буду продолжать до самой зари, пока не уберу последнюю соринку, пока не ототру последнее пятнышко, пока не верну твой всем знакомый безукоризненно блестательный вид.

Почти все, кто работает со мной, делают это ради денег. Кто-то тянет на себе родителей-стариков, кто-то пытается поставить на ноги младших сестренок и братишек, а кто-то надеется, что сможет вытащить детей из кромешной нищеты, дать им шанс на другую, лучшую жизнь. Но не я. Я делаю это ради тебя, ради своей мечты о тебе.

Это была любовь с первого взгляда. Многодневный путь постепенно стирал воспоминания о прежней жизни. И когда я вышел из поезда, то не прошло и получаса, а я уже знал — я здесь навсегда. Я не мог понять, приехал ли я сюда впервые или вернулся туда, где должен был родиться.

Рассвет с первыми холодными лучами вонзил мне в глаза проспекты и тонкую иглу золотого шиполя, сквозь слезы повел мой взгляд прямыми до боли линиями, перечерчивая его привычные траектории, чтобы наделить меня новым зрением. Я был готов распороть и перекроить всего себя тебе под стать. Но сквозь гордую безупречную красоту я вдруг разглядел беспомощность. В своей окаменевшей распластанности ты не мог заботиться о себе сам, тебе было стыдно признаться, но ты нуждался во мне, так нуждался! Мне вспомнился потерянный взгляд из-под хмурых бровей внезапно овдовевшего аксакала, грозы семейства, ветерана войны, и оторвавшаяся пуговица на его

Тун, факат тунгина менинг вактим, махсус кийим — күринишим, теримга, боримга айланган. Авваллари тун зохирىй томондан күриниб, вактингалик тууларди. Юзимнинг қоралигини сездирмай, күршаб оладигандек. Вакт ўтиши билан мен ҳам оқарып бораман. Мени ҳам тушуна бошлайдылар, қабул қиласылар, мен учун ҳам ёргу күнлар кела бошлайды дердим. Ишонардим. Орзу қиласы эдим. Шодлик ила бундай күнларни күтиб, тунлар ўтар эди. Махсус иш кийимимга күн ботиши билан ўранар, тонгга бориб эса уни ечиб күйрдим. Аммо йиллар ўтиб, тунлар узайгани сари узайиб, танамни ўраб турган қатламлар эса қалинлашиб борарди. Тонгга қадар эзилиб, менга батамом ўрнашиб, мускулларим, сүякларимдан гүё томир ортиб кетган тунни ўзимдан халос этишга күч тополмай қолдым.

Арвоҳдек факатгина тунда күчага чиқа оламан. Тундагина сен билан күриша оламан.

Қош қорайиб, кеч туша бошлаганда сенинг олдингга келаман. Сен эса олдимда узоқ давом этган күндан сүнг батамам парчаланган, топталган, кир ва туфланган ахволда ётасан. Дарров ишга шўнгийман. Аввал катта ахлатларни йиға бошлайман. Кейин супурги билан ҳар бир бурчагингни, ўйилган бурма йўлакчаларингни, кўпригингни барча тўкирликларини ёқилғи, ташландик ва кондандозалаб чиқаман. Сўнграбирин-кетин кўпригингни накшларини сакичлардан кириб, тозалай бошлайман. Менга ҳар бир чандинг, шилинган еринг таниш, бирор сантиметр жойини эътиборсиз колдирмайман. Тун ярмiga келиб, белим чида бўлмас даражада санчишини бошлайди, бармокларим совуқдан котиб қолиб, шамолга таслим бўлиб, менга бўйсунмай қолади, оёкларим калтирайди. Лекин мен давом этаман. То тонг отмагунча, энг сўнгги доғингни тозалаб бўлмагунимча, яна ялтираб-чароқлаб турган кўринишинг қайтмагунча давом этавераман.

Мен билан ишлаётган деярли барча буларни пул учун қиласы. Кимдур зиммасида қариб қолган ота-онасини бокиб олиш учун, кимдур ёш сингил-укасини оёқка тургалиш мақсадида, яна кимлар эса фарзандларини очликдан саклаб қолиб, уларга бошқа — ўзиникидан кўра яхшироқ келажакни таъминлаб бериш ниятида ишлайди. Факат мен эмас. Мен буларни сен учун, сен хақингдаги орзийм учун қилаяпман.

Бу — бир кўришда муҳаббат эди. Бир неча кунлик йўл азоби хотираларини унутадиган вақт, яни поезддан тушганимга ярим соат бўлмай сени кўрдим-у, бу ерларда бутунлай қолишимни билдим. Бу ерларга биринчи марта келишимми ёки мен асли туғилишим керак бўлган ерларга келиб қолдимми тушунмасдим. Тонг ўзининг совуқ нурлари билан чоррахаларини кўрсатиб, игна каби нигоҳимга санчилди. Кўз ёшларим аро нигоҳимни равон йўлларга қадаб, одатдаги траекториялардан воз кечтириб, янги қараш ато этди. Ўзимни бутунлай сўқиб ташлаб, сен учун янгитдан сенга мослаб ясаб чиқишга тайёр эдим. Лекин магрурлигинг, нуксониз гўзаллигинг ортида не қадар ёрдамга муҳтожлигингни кўра олдим. Мехрсиз бўлиб, тошдек қотиб қолганинг билан ўзинг ҳақингда, менга муҳтож эдинг! Шунда бирдан бева бўлиб қолган оқсоқолнинг қовоғ

Фигеберн ти միајн ғиғеберн է իմ ժаимаңақар, իմ համազգեստը, շղардը, որ դարձել է մաշկս, մարմինս, էությունս: Սկզբում ғиғебер միаյն արտաքին էր ու, կարծում էի, ժամանակավոր: Այն պատում էր ինձ՝ իր մեջ թաքցնելով դեմքիս մթությունը: Աստիճանաբար ավելի լրացավոր կղանան, ինձ այստեղ կհասկանան ու կընդունեն. իմ օրն էլ կզա: Հավատում էի դրան: Դրա մասին էի երազում: Ու այդ օրվա երջանիկ սպասման մեջ անցնում էին ғиғебեները: Արևամուտին աշխատազգեստին հետ հազնում էի ғиғերն ու լրացացին հանում այն: Տարիների հետ, սակայն, ғиғերն ավելի երկար էր դանում, ավելի էր հաստանում մարմինս ծածկող դրա շերտը: Առավոտյան ուժասպար հաճախ չէի կարողանում գիғերը վրայից հանելու ուժ գտնել, ու այն ձուլվեց ինձ, ներթափանցեց մկաններս ու ուկորներս:

Ուրվականի պես, միայն ғиғերն եմ կարող դուրս գալ: Միայն ғиғերն եմ հանդիպում ինքս ինձ:

Երեկոյան, երբ մթնշաղը խորանում է, զախս եմ քեզ մոտ: Դու պառկած ես իմ առջև տանշված երկար օրվանից հետո, ամբողջովին ոտնահարված, կեղտոտ, թքապատ: Ու ես գործի եմ անցնում: Սկզբում հավաքում եմ խոշոր աղբը: Հետո խոզանակով մաքրում եմ ջրանցքների յուրաքանչյուր անլյունը, յուրաքանչյուր կամուրջի գալարը, լվանում եմ քենզինը, փսխուքն ու արյունը: Հետո կամուրջների վրայից մանրակրկտորեն քերում եմ ծամոնները: Ինձ ծանոթ է քո ամեն մի սպին, ամեն մի փոսր. ոչ մի սանտիմետր անուշադրյան չեմ մատնում: Գիғերակեսին մեջքը սկսում է անտանելի ցավել, մատներս փայտանում են ու անհնազան դաշնում քամուն, ոտքերս թուլանում են: Բայց ես շարունակում եմ: Շարունակելու եմ մինչև լրացաց, քանի դեռ չեմ հավաքել վերջին փուշը, քանի դեռ չեմ մաքրել վերջին կեղտարփիծը, քանի դեռ չեմ վերադրել քո բոլորին ծանոթ անթերի անբախտ տեսքը:

Ինձ հետ աշխատողներից գրեթե բոլորը դա անում են հանուն փողի: Ումանք տարեց ծնողներին են պահում, մյուսները փորձում են ոսրի կանգնեցնել կրտսեր

уборщикам Невского
ринмас тозалавчилариға бағишиланади
баштапқылардың көзүндеңдегі

пиджаке. И я поклялся, что пока жив, я буду с тобой. Я буду сдувать с тебя пылинки, ухаживать, как за родным отцом.

Вот уже много лет я выполняю невидимую работу. Я не должен смущать местных своим видом. Словно новая невестка в семье, я должен успеть подмети улицу и спрятаться до того, как проснутся люди.

Первое время, когда я еще дерзал изредка выходить днем, я надеялся, что мы оба привыкнем друг к другу при свете. Мой страх пройдет, ты перестанешь чувствовать неловкость от моего облика и акцента. Люди в основном относились ко мне хорошо: вежливо не замечали. Только раз был случай, когда парни, совсем еще молодые, почти мальчишки, вдруг окружили и начали обзвываться, толкать что есть силы с криками: "Россия для русских! Это наш город!" "Нет, не ваш!" — скорчившись под ударами, думал я. "Ты мой! Ты наш! Город дворников-призраков, каждую ночь отмывающих тебя от грязи. Ты — город того седеющего армянина, которому один из вас наступил на пальцы, когда тот клал плитку на тротуаре. Ты — городочных грузчиков и сортировщиков. Тех, кто выполняет скрытую от глаз грязную тяжелую работу. Ты мой! Ты мой! Никто не любит тебя так, как я!" Но ты наблюдал за моим избиением с холодным безразличием. Не прогнувшись ни одним домом, не поведя мостом. Твоя безучастность ранилальней, чем удары. Что ж... Меня предупреждали, что у тебя каменное сердце.

Мне некого винить. У меня могла быть другая жизнь. Могла быть родина, могла быть семья,уважение. Я сам сделал свой выбор. Сначала были звонки, голоса, просьбы, мольбы, угрозы. Я выбрал тебя. Шло время. То прошлое и то будущее, с которым связывали меня голоса, отступали все дальше и дальше, теряли признаки реальности. Сейчас я даже не до конца могу быть уверен, что они не были сном. Я остался с тобой. С тобой и со своей рухнувшей надеждой, что ты признаешь меня. Один на один. Не гражданин. Не турист. Неизвестно чей ночной фантом.

остидан ўзини йўқотиб қўйган қараши, уруш қаҳрамони оиласининг нотинчлиги, унинг кийимида узилган тұгмаси ёдимга тушиб, қасам ичдим: то тирик эканман, сен билан бирга бўламан. Сени кўз корачиғимдек асрайман, ўз отамни авайлагандек, сени парвариши дайман.

Мана неча йиллардан буён кўримсиз ишни бажариб келаман. Маҳаллий аҳолини ташки кўринишим билан эътиборини жалб қиласлигим керак. Ҳудди янги келиндеқ, одамлар уйғонгунга қадар кўчаларни супуриб, яшиниб олишим керак.

Дастлабки келган кунларим, кундузи кўчага аранг-арангда чиқиб туардим, бир биримизга кўнишиб кетишимизга умид қилардим. Менинг кўркувим йўқолиб боради, сен эса кўринишм ва акцентим туфайли ўзингни ноқулай хис этмай қўясан. Одамлар асосан менга яхши муомалада бўлишарди: борлигимни илтифот билан сезмай қўя қолардилар. Бир мартагина беҳосдан ёш йигитлар тўдаси мени ўраб олиб, лақаб билан масхара қила бошлишган, бир бирларига мени итариб, бор кучлари билан “Россия руслар учун!”, “Бу бизнинг шахримиз!” дей дўйпослай кетишганди. Зарбалар туфайли гимрайиб ётарканман, “Сенларники эмас!” деб ўйлар эдим. “Сен меникисан! Сен бизнекисан! Сени хар тун кир ва аҳлатдан тозаловчи “арвоҳларнинг” шахрисан. Сен анави йўлакчага фишт тераётган вактида бармоғини юриб кетаётган одамларнинг бири эзib олган, сочига оқ тушган арманнинг шахрисан. Сен тунги вактда юк кўтарувчи ва нарса ажратувчиларнинг шахрисан. Кўзга кўринмас, яширин тарзда энг оғир ва энг кир ишларни бажарувчиларнинг шахрисан. Сен меникисан! Меникисан! Ҳеч ким сени мендек ёқтирумайди!” Бирок сен мени дўйпослашларига совук бефарқлик билан гувоҳ бўлиб турдинг. Бирор уйинг, бирор кўпригинг қимиirlаб кўймади. Бефарқлигинг мен учун дўйпослаганларидан хам оғирроқ зарба бўлди. Нимаям дердим... Юрагинг тош экани ҳакила мени огоҳлантиришган эли

Хеч кимни айблай олмайман. Ҳаётим умуман бошқача бўлиши мумкин эди. Оилам, Ватаним, ҳурматим бўлиши мумкин эди. Ўзим шу йўлни танладим. Аввал қўнғироқлар, овозлар, илтимослар, пўписалалар бўлди. Шунда мен сени танладим. Вакт ўтгани сари ўша овозлар билан мени боғлаб турган ўтмиш ҳам, келажак ҳам мендан узоклашиб бораверарди ҳакикийигини йўқотаверарди

քույրիկներին ու Եղբայրներին, իսկ ումանք էլ հույս ունեն, որ կկարողանան իրենց երեխաներին հանել խորը աղքատությունից, նրանց տալ ուրիշ, ավելի լավ կյանք ունենալու հնարավորություն։ Բայց ոչ ես։ Ես դա պնդում եմ իսկ համար ուրեմն որ մասսին եմ Եղագանցի։

Դասեր կը առաջին հայացքից: Կես ժամ կլչէր անցել, ինչ հիշողությունները ջնջող բազմօրյա ուղևորությունից հետո իշել էի զնացքից, իսկ ես արդեն գիտեի՝ այստեղ եմ հավերժ: Չի հասկանում՝ արդյոք առաջին անգամ էի այստեղ զայխ, թե վերադարձել եմ այնտեղ, որտեղ աեսր է ծնվել:

Լուսաբացն առաջին սառը ձառագայթներով աչքերս միրճեց պղղոտաներն ու ոսկե սայրի բարակ ասեղնասայրը, արցունքախառը հայացքս անցկացրեց ցավլալու աստիճան ուղիղ ուրվագծերով՝ վերկերտելով դրա սովորական հետազծերն ինձ նոր տեսողությամբ օժտելու համար։ Ես պատրաստ էի քանդել ու վերափոխել իմ ողջ կուրժունն ու այն քեզ համապատասխանեցնել։ Սակայն քո հպարտ անթերի գեղեցկության հետևում անզորություն նկատեցի։ Քո քարացած փոփածությամբ ինքդ քո մասին հոգ տանել չկր կարող, ամաչում էիր ընդունել, բայց ես քեզ պետք էի, այդքան պետք։ Հանկարծ հիշեցի հանկարծակի այրիացած ակսակալի տոնիմի մեծի, պատերազմի վետերանի շվարած հայացքը մռայլ հոնքերի տակից ու բաձկրնի պոկլած կոճակը։ Ու երդիկեցի քանի կամ, քեզ հետ եմ լինելու։ Մաքրելու եմ փոշու ամեն մի մասնիկն ու խնամելու եմ հորս պես։

Արդեն քանի տարի է անտեսանելի աշխատանք եմ կատարում: Ես չպետք է տեղացիներին անհանգստացնեմ իմ տեսքով: Ընտանիքի նորահարսի պես պետք է հասցնեմ ավել փողոցն ու թաքնվել, քանի որ յասրին մենք պահանջում ենք:

Սկզբներում, երբ դեռ համարձակվում էի երբեքսցերեկը դուրս գալ, հույս ունեի, որ միմյանց կտուրենք լույսի ներքո: Վահս կանցնի, դու կդադարես անհարմար զգալ տեսրիցու ու ակցենտից: Մարդիկ հիմնականում ինձ լավ էին վերաբերվում՝ քաղաքավարի անտեսում էին: Միայն մի անգամ դեպք պատահեց, երբ մի քանի տղաներ դեռ շատ երիտասարդ, գրեթե պատանիներ, հանկարծ շրջապատեցին ու սկսեցին վիրավորել, ամբողջ ուժով հով ու ըրամելու «Ծովասարան»

Нет, не то, что мне платят вдвое меньше за двойную работу, не то, что случись со мной болезнь — никого не будет рядом, и мне грозит голодная старость, — не дает мне покоя. Твое двуличие — вот что действительно сводит меня с ума, заставляет рыдать в отчаянии. По вечерам ты ждешь меня. Ночью мы близки до последних пределов близости. Я знаю тебя таким, каким не знает никто. Ты открываешь мне все свои слабости и изъяны. Нет никого роднее нас, и нельзя представить, что это может быть иначе. Но днем все меняется. Ты не замечаешь меня. Как будто мы не знакомы, как будто ничего не было. Как будто меня не существует. У тебя есть свои, коренные жители. Перед ними ты красуешься, с ними ты веселишься и скорбишь, празднуешь праздники и переживаешь траур. С ними вы растите детей и хороните стариков. И я должен исчезнуть, раствориться в небытии до наступления следующей ночи.

Если быть до конца откровенным, страшнее всего то, что я и сам не знаю, существую ли я на самом деле. Невидимый и не замечаемый никем, как я могу быть в этом уверен? Какие у меня есть доказательства? Если этим вечером я не выйду на работу, останешься ли ты грязным, или тут же найдется кто-то другой мне на смену? Убранный другими руками, почувствуешь ли ты разницу? Заметишь ли что-то? Есть я или меня нет? Кто я? Каков я? Нет, я не существую. Кто-то другой пишет за меня. Ночь растворила меня в себе. Ночь, только ночь — моя сущность.

Хозир улар туш эмас, рўё бўлганини ҳам ишонч билан айта олмайман. Мен сен билан қолдим. Сен ва мени тан олишинг борасида парчаланган умидим билан қолдим. Ёлгиз. Ё фукаро эмас, ё турист эмас, кимнинг сароби эканим номаъум.

Йўқ, икки баробар кўп ишлаб, икки баробар кам маош тўлашлари ҳам, касал бўлиб қолсам, олдимда ҳеч ким бўлмаслиги ҳам, мени очлик ва ночор қарилик кутаётгани ҳам тинчимни бузмайди. Сенинг иккinoзламачилигинг ақлимдан оздиради, ноиложликдан дод солиб, фарёд қилишимга мажбур этади. Кечалари мени кутасан. Тунлари иложи борича яқинмиз. Мен сени ҳеч ким билмайдиган тарафдан биламан. Менга барча заифлик ва яраларингни очасан. Биздек бир бирига яқин ҳеч ким бўлмаса керак. Бошқача бўлиши ҳам мумкин эмас. Лекин кундузи барчаси ўзгарди. Мени сезмайсан. Гўё бир биримизни танимайдигандек, ҳеч нарса бўлмагандек. Гўё мен мавжуд эмасман. Ўзингни маҳаллий аҳолинг бор. Улар олдида бор нағислигингни кўрсатасан, улар билан хурсандчилик ва ғам-қайғуни бирга ўтказасан. Улар билан фарзанд катта киласизлар, қариларни сўнгги манзилга кузатасизлар. Мен эса йўқ бўлиб қолишм керак, то тун бошлангунига қадар саробга айланишим, мавжудлигимдан воз кечишим керак.

Ростини айтадиган бўлсам, ўзим ҳам мавжудманни йўқми билмайман, энг кўркинчлиси ҳам шу бўлса керак. Ҳеч кимга кўринмасам, ҳеч ким мени сезмаса, буни қаердан билишим мумкин? Қандай исботим бор? Агар кечаси ишга чиқмасам, кирлигингча қолиб кетсанми ёки ўрнимга дарров бошқаси топила қоладими? Бошқасининг кўли билан тозаланган вақting, менинг ўрнимни, фарқни сезармикинсан? Бирор нимани пайқармикинсан? Борманими ёки йўқманми? Кимман? Қандайман? Йўқ, мен мавжуд эмасман. Бошқа бир одам менинг ўрнимга ёзяпти. Тун мени ўзида эритиб юборди. Тун, факаттиган тун менинг мажудлигимдир.

нгузунберхин է: Уа имрор քаңварин է: «О’з, алэрр չ», митадоли է ҳарқавадунберх տақ ծալված: «Тои ի մն ես: Тои մեր նա ես: Ամեն զիշեր թեզ կեղտից մաքрող ուրվական հավաքարաների քաղաքը: Տու այն ձերմակող հայի քաղաքն ես, ում մատները ձեզմից մեկը տրորեց, երբ նա մայրի վրա սալիկներ էր շարում: Տու զիշերային բեռնակիրների ու տեսակաբրողների քաղաքն ես: Նրանց, ովքեր կատարում եմ աչքերից թաքված կեղտուու ու ծանր աշխատանք: Տու ի մն ես: Իմը : Ոչ ոք իմ պես չի սիրում»: Բայց դու հետևում էիր իմ ծեծին սարն անտարբերությամբ: Շենք անգամ շնչառվեց, կամուրջ չքոյթվեց: Քո անտարբերությունն ավելի ցավուու էր, քան հարվածները: Դե ինչ... Ինձ գործացնում էին, որ քո սիրու քարից է:

Ոչ ոքի մեղադրելու չունեմ: Ես կարող է այլ կյանք ունենալ: Կարող էի հայրենիք ունենալ, ընտանիք, հարգանք: Ես ինքս եմ ընտրությունն կատարել: Ազգում զանգեր էին, ձայներ, խնդրանքներ, աղերսանքներ, սպառանալիքներ: Ես ընտրեցի թեզ: Ժամանակը անցնում էր, և այն անցյալը, այն ապագան, որի հետ ինձ կապում էին ձայները, ավելի ու ավելի էին նահաջում, կորցնում իրականության նշանները: Հիմա նոյնինչ չեմ կարող ամրոջովին համոզված լինել, որ դրանը երազ չեն: Ես մասցի քո հետ: Քո ու իմ վկրով զիւսի հետ, որ դու ինձ կընդունես: Դեմ առ դեմ: Ոչ քաղաքացի, ոչ զբուաշրջիկ, անհայտ մեկի զիշերային տեսիլք:

Ոչ, ինձ չի մտահոգում այն, որ ինձ կիսով չափ են վճարում կրկնակի աշխատանիք դիմաց, որ, եթե հիվանդանամ, կողքիս ոչ ոք չի լինի ու որ ինձ քաղաք ծերություն է սպասում: Քո երկերսանհությունն է ինձ իրականում խնդրացնում, ստիպում հուսալորությունից հեկեկալ: Ամեն երեկո սպասում ես ինձ: Գիշերը մինչև մտերմության հնարավոր եզրը մսերիմ եմ: Ես թեզ ճանաչում եմ այնպիսին, ինչպիսին ոչ ոք չի ճանաչում: Դու ինձ բացում ես քո բոլոր թուլություններն ու թերությունները: Մեզնից հարազատ ոչ ոք չկա, ու այլ կերպ հնարավոր չէ պատեկարացնել: Բայց ցերեկն ամեն ինչ փոխվում է: Դու ինձ չես նկատում: Ասես անձանոթ ենք, ասես ոչինչ չի եղել: Ասես ես գոյություն չունեմ: Դու ունես քո հարազատ բնիկներին: Նրանց առաջ սերեթում ես, նրանց հետ ուրախանում ես ու տիրում, տոնում ու սպում: Նրանց հետ մեծացնում եք երեխաներին ու թաղում ծերերին: Ու ես պես անհետանամ, անհանամ մինչև հաջորդ զիշեր:

Եթե լիովին անկեղծ լինեմ, ապա ամենասարսափելին այն է, որ ինքս էլզգիտեմ՝ արդյոք իրականում գոյություն ունեմ: Անտեսանելի և բոլորի կողմից աննկատելի, ինչպես կարող եմ վստահ լինել դրանում: Ինչ ապացույցներ ունեմ: Եթե այս երեկո գործի դուրս չգամ, դու կեղտու ու կմսա, թե ինչոր մեկն ինձ անփառապես կփոխարինի: Ուրիշի ձեռքերով մաքրված արդյոք կզզա ու տարբերությունը: Ինչոր քան կնկատե՞ս: Ես կա մ, թե գոյություն չունեմ: Ով եմ ես: Ինչպիսի նն եմ: Ոչ ես գոյություն չունեմ: Իմ փոխարեն մեկ ուրիշն է գրում: Գիշերը լուծել է ինձ իր մեջ: Գիշերն ու միայն զիշերն է իմ եռությունը:

Над выпуском работали:

Ольга Житлина — главный редактор
Анна Терешкина — графика

Андрей Лосич — дизайн, верстка,

Игорь Кравчук — редактура, корректура

Зарнigor Омониллаева — перевод на узбекский

Сохиба Хойитбоева — редактура, корректура узбекского текста

Нарине Хачатрян, Армен Меликбекян, Юрий Манвелян — перевод на армянский

Томас Кэмбелл — перевод на английский

Реплики и шутки материала “В селе, из которого все мужчины уехали на заработки...”, услышаны нами в селе Мец-Масрик (Гехаркуникская область)

Информацию для материала “Цена брака” собрали
Дильноза Ашурова и Гуласал Бахтирова

Отдельная благодарность:

Эвии Ованнисян, Авику Маляну, Сафине Хиджобовой, Юрию Манвеляну, Аревики Мартиrossян, Андрею Якимову, Севархон и Серожидину Манноновым, Сальбине Карапейян, Хамиду Исмайловой, Сусан Ераносян, Ирине, Зведе, Гаянэ Гаспарян, Ерванду Агаджаняну, Армену Астаряну, Валентине Степановне Егазарян, Каринэ Мнацакян и всем жителям села Мец-Масрик

Проект осуществлен в рамках исследовательского проекта
“Spaces of Justice across East-West divide”
Факультета менеджмента в Университете Тампере
при поддержке фонда Коне

Присылайте нам свои шутки, рассказы, рисунки, стихи в группу на сайте «ВКонтакте»
«Конкурс шутки Ходжи Насреддина» https://vk.com/nasreddin_v_rossii

Эта газета напечатана небольшим тиражом, и возможно,
у авторов никогда не будет денег на переиздание. Не выбрасывайте ее!
Когда прочтете, поделитесь ей с кем-то еще!

Санкт-Петербург – Ереван – Мец-Масрик, 2017

Production Team

Olga Zhitlina – editor

Anna Tereshkina – illustrator

Andrei Losich – design, layout

Igor Kravchuk – editing, proofreading

Zarnigor Omonillayeva – Uzbek translations

Sohiba Khoyitboyeva – Uzbek editing, proofreading

Narine Khachatryan, Armen Melikbekyan, Yuri Manvelyan – Armenian translations

Thomas Campbell – English translations

We heard the statements and jokes reproduced in “In a Village Where the Men All Left to Work” in Mets Masrik, Gegharkunik Province, Armenia.

Dilnoza Ashurova and Gulasal Bakhtiyorova researched the information presented in “The Price of Marriage.”

Special thanks to

Evia Hovhannisyian, Avik Malyan, Safina Hijobova, Yuri Manvelyan, Arevik Martirosyan, Andrei Yakimov, Sevarkhon Mannanova, Sirojiddin Mannonov, Salbina Karapeyan, Hamid Ismailov, Susan Yeranosyan, Irina, Zveda, Gayane Gasparyan, Yervand Agajanyan, Armen Astaryan, Valentina Eghazaryan, Karine Mnatsakanyan and all the residents of Mets Masrik

Nasreddin in Russia No. 4 was produced as part of the research project «Spaces of Justice across the East-West Divide» at the Faculty of Management, University of Tampere, with support from the Kone Foundation

Send your jokes, stories, drawings, and poems to the Hodja Nasreddin Joke Competition page on the VK social network (https://vk.com/nasreddin_v_rossii)

This newspaper is printed in small editions. It is likely the editors will never have the money to reprint a particular issue, so do not throw it away. After you have read and enjoyed it, give it to someone else.

St. Petersburg – Yerevan – Mets Masrik, 2017